

ЦИФРОВОЕ НЕОКОЧЕВНИЧЕСТВО И ТРАНСФОРМАЦИЯ ЦИФРОВОЙ РЕАЛЬНОСТИ

Н.Г. Устьянцев

Поволжский институт управления имени П.А. Столыпина — филиал Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», Саратов, Россия

Для цитирования: Устьянцев Н.Г. Цифровое неокочевничество и трансформация цифровой реальности // Аспирантский вестник Поволжья. 2021. № 7–8. С. 70–74. DOI: <https://doi.org/10.55531/2072-2354.2021.21.4.70-74>

Поступила: 11.11.2021

Одобрена: 22.11.2021

Принята: 30.11.2021

▪ В статье представлены основания концепций кочевничества и культурной идентичности как способов понимания динамики цифрового мира. Кочевой образ жизни как теоретическая модель, относящаяся в общих чертах к так называемым странствующим людям, у которых отсутствует чувство принадлежности к тем территориям, в которые они перемещаются или оставляют позади. Для современного кочевника формирование индивидуальной идентичности не является приоритетной; личные черты и склонности кочевников меняются каждый раз, когда они передвигаются. Автор рассматривает взаимосвязи между концепциями кочевничества и культурной идентичности в цифровом контексте. В свете ускоряющихся социальных и геополитических изменений, навязанных установками современного цифрового мира, рассматриваются точки зрения Ж. Делёза в соавторстве с Ф. Гваттари и П. Уилсона, чтобы раскрыть сложность культивирования определённой культурной идентичности в современной цифровой эпохе.

▪ **Ключевые слова:** идентичность; цифровизация; неокочевничество; автономные зоны; цифровое пространство.

DIGITAL NEO-NOMADISM AND THE TRANSFORMATION OF DIGITAL REALITY

N.G. Ustyantsev

Povolzhsky Institute of Management named after P.A. Stolypin, Saratov, Russia

For citation: Ustyantsev NG. Digital neo nomadism and the transformation of digital reality. *Aspirantskiy Vestnik Povolzhiya*. 2021;(7-8):70–74. DOI: <https://doi.org/10.55531/2072-2354.2021.21.4.70-74>

Received: 11.11.2021

Revised: 22.11.2021

Accepted: 30.11.2021

▪ The article presents the fundamental concepts of nomadism and cultural identity as ways of understanding the dynamics of the digital world. The nomadic way of life as a theoretical model, referring in general terms to the so-called “wanderers” who suffer from the lack a sense of belonging to the designated area. For the modern nomad, the formation of individual identity is not a priority; the personal traits and inclinations of nomads change according their moving. The author examines the relationship between the concepts of nomadism and cultural identity in a digital context. In light of the accelerating social and geopolitical changes imposed by the attitudes of the modern digital world, the points of view of J. Deleuze, in collaboration with F. Guattari and P. Wilson, are considered in order to reveal the complexity of cultivating a certain cultural identity in the modern digital age.

▪ **Keywords:** identity; digitalization; neo-nomadism; autonomous zones; digital space.

При рассмотрении культурной идентичности следует отметить, что она культивируется членами определённого сообщества в течение длительного периода времени, и в связи с этим сам концепт идентичности постоянно проблематизируется, адаптируясь к новым реалиям и тенденциям в культуре и обществе.

Существование в динамичном и постоянно глобализирующемся мире, по мнению И.Г. Яковенко, требует от индивида творческого переосмысления своего «Я» и его сохранению [5]. Сложившиеся черты, передаваемые от поколения к поколению, становятся определяющими характеристиками, присущими

членам этой общности. А потенциальная возможность адаптации к новым реалиям развивается с открытием новых пространств. С расширением цифровой реальности и её распространением на повседневность также происходит и рост отчуждения в сети, становящийся в итоге предметом кризиса идентичности для индивида. Среди многообразия информации, её форм и возможности для сохранения и переноса данных в малых объёмах памяти усложняется и возможность для уверенного и постоянного отношения. Статика сменяется динамикой. И для преодоления неопределённости становления личности, индивидом вырабатываются различные стратегии поведения и отношения в цифровой реальности. Проблематизируя вопрос о границах и местонахождении индивида на «карте» Интернета, а также тенденции и изменения ценностных и культурных аспектов, представляется возможным выявить и предметно определить новые формы цифровой идентичности, актуальных для современности.

Становление цифровой культуры и цифровой идентичности

Идентичность является результатом социальных и культурных обстоятельств, которые занимают центральное место в конкретном сообществе, пока они не станут ориентиром его участников. В предельно общем контексте идентичность — это многоуровневая система, которая рассматривается как совокупность социальных отношений и ролей, так же вытекающих из них паттернов социального поведения и самооценки. Формированию культурной идентичности предшествует принадлежность к определённой социальной группе. Таким образом, открывается множество источников для самоидентификации, как национальность, этническая принадлежность, социальный класс, пол, сексуальность. Думается, что это даёт нам определённое представление о положении в мире и представляет собой связь между нами и обществом, в котором мы живём. В этом контексте также указывает А.А. Грицанов на реализацию «адаптивной функции идентичности» [1, с. 115], где одним из условий формирования культурной идентичности является привязанность к социокультурной общности.

Такая идентичность образует связь между прошлым и настоящим определённого сообщества. На неё влияют происходящие внешние изменения, но при этом сохраняется внутренняя основа для её передачи. В этом состоит статичность и целостность культурной

идентичности; однако она подвержена дискурсивным изменениям в культурной среде. Постоянные культурные изменения тем или иным образом способствуют формированию и преформированию человеческих взглядов, следовательно, и изменений в поведении. Примечательно, что изменения в культуре влияют на деятельность человека и создают стимулы для всё новых моделей поведения человека.

В этом смысле следует отметить, что многослойный опыт приобретает из-за разнообразия социокультурных пространств, которые обладают значительным потенциалом формирования идентичности. В этом контексте культурная идентичность в цифровую эпоху трансформируется до такой степени, что имеет тенденцию становиться более замкнутой из-за современных доминирующих новых горизонтов цифровых технологий и виртуального цифрового пространства, которые смещают традиционные аспекты реальной жизни. Новая цифровая реальность охватывает все социальные группы из-за распространения и использования современных коммуникативных технологий, которые способствовали, с одной стороны, культурной замкнутости в «аналоговой» действительности, и с другой — «кочевничеству» в виртуальных сферах. Интегрируясь почти во все аспекты традиционного пространства реальной жизни, цифровое пространство становится всё меньше подобием дополнительной или виртуальной реальности. На связь с понятием «цифровой культуры» и его актуальностью также указывает Н.Л. Соколова, как на широкое методологическое поле, со множеством исследовательских подходов [3, 4]. Примечательно, что реальное культурное пространство, которое изначально было инкубатором различных культурных идентичностей, стало представляться как ограниченное, по отношению к виртуальному пространству и его возможностям.

Номадизм и неокочевничество в отношении к автономным зонам

Проблема номадизма и фигура кочевника были представлены в теории Ж. Делёза и Ф. Гваттари через пространственный способ описания тем власти вне исторического контекста, где на одной части поверхности находится фигура государства, как оперирующего сегментацией, контролем и надзором за «закрытыми» системами, и постоянного «кочевого» перемещения с открытием всё новых способов и территорий, с другой.

Так, современный облик неокочевника представляет собой своего рода набор кодов, позволяющий людям участвовать в культурной среде на территории в которую они попадают. Таким образом, кочевники культивируют множественный, а иногда и противоречивый набор связей и отношений, на вершине которых находится детерриториализация, которая катализирует особые отношения. «Это правда, что у кочевников нет истории, у них есть только география» [2, с. 393]. Эта «геофилософская» установка подчёркивает, что неокочевничество превосходит древнюю риторику субъекта, потому что его расположение принадлежит множеству и среде, в которой он может развернуться. Детерриториализация, предоставляет современному кочевнику свободу и способность мыслить вне определяемого государством или местностью дискурсом, преодолевая ограниченность и границы идеологии.

Пространство неокочевника — это социотерриториальная структура, которая не поддается стандартным способам государственного контроля, основанным на фиксировании определённой этнической, территориальной и классовой принадлежности. В теории Гваттари и Делёза номадизм — это сопротивление господству и власти.

Концепция «кочевничества», разработанная Делёзом и Гваттари, пересекается с анархической точкой зрения П. Уилкинса, известного по ряду статей, посвящённых современному обществу, под псевдонимом Хахим Бей, который выступает за создание «временной автономной зоны», «площадки сопротивления, предназначенной для эпохи, когда государство вездесущее всемогущее, но одновременно в нём полно трещин и возможностей» [6, с. 80]. Бей обращается к кочевому образу жизни как к образу мышления, сопротивляющемуся контролирующим системам и ограниченности в территории. Соответственно, временная автономная зона (ВАЗ) является областью опыта свободного непосредственного человеческого взаимодействия вне структур государственной власти. Это территория экзистенциального переживания свободы воли, потому что во временной автономной зоне свобода не ищется на периферии общества. Напротив, это пространство, где личные требования выражаются в условиях гегемонии господствующей структуры власти.

Хахим Бей предпочитает образование кочевнической идентичности, потому что оно способно детерриториализировать и ретерриториализировать автономную зону; следовательно, такая автономная зона становится

временной. Делёз и Гваттари также выразили ту же концепцию, описывая пространство кочевников. Они совпадают в том, что территория кочевника, на которой он развивает свою идентичность, подвижна.

Неокочевники и цифровая реальность

Современное цифровое пространство способствует развитию кочевой культуры и кочевой идентичности, в некотором смысле соответствующим концепции кочевого пространства Делёза и Гваттари и определению Хахим Бей. В пространстве кочевников не существует многоуровневой идентичности, они заменены множеством личностей, которые используют практику постоянного передвижения. Кочевничество в современном мире ускоряется доступностью к цифровым технологиям и выходу в интернет на всё большей территории, что подводит индивида к использованию цифровых ресурсов вне зависимости от территориальной или классовой принадлежности. В соответствии с Делёзом и Гваттари Хахим Бей указывает на определяющую для ВАЗ особенность сетей, а именно наличие «открытости и горизонтальности структуры» [5, с. 102]. Доступ к сети Интернет ретерриториализирует пространство современного человека, развивая новую цифровую культуру, в которой ВАЗ создаются веб-сайтами информации, бизнеса и социального взаимодействия.

Указывая на открытость и горизонтальность пространства для ВАЗ в неокочевничестве, также стоит подтвердить преемственность ризоматического взгляда Делёза/Гваттари у Хахим Бей. Так, Саймон Селлер приводит мнение об актуализации связи политического, культурного и социологического контекста в прочтении ризомы и киберкультурных троп [7, с. 102]. Цифровое пространство не маргинализирует своих членов, включая тех, кто предпочитает жить на окраинах реального мира. Участники цифрового пространства, которые представляют современный тип кочевников, являются активными пользователями цифровых ВАЗ, с перемещением по бесчисленным веб-сайтам и социальным сетям. Общая цель этих перемещений — реализация желаний и интересов; однако, удовлетворив потребность, они переходят на другой веб-сайт или социальную сеть для достижения или поиска другой цели или просто бесцельного потребления.

Хотя странствующие кочевники цифрового пространства разделяют схожие взгляды,

они предпочитают фрагментарность интеграции и солидарности. Эта ситуация, которая может показаться противоречивой для реального мира, объясняется тем, что в сети отсутствует пространственность, что позволяет сохранять дистанцию между людьми. Цифровая идентичность современных кочевников сравнивается с их пространством, которое локализовано, но не ограничено. Цифровая культура предоставляет кочевникам множественные наборы идентичностей, которые позволяют им плавно переходить с одного веб-сайта на другой.

Новые цифровые медиа создают интерактивные отношения между современными кочевниками и современными цифровыми пространствами. Кочевнику на его цифровой территории даётся право говорить и выражать своё мнение в бесчисленных стилях без обвинения в принятии взглядов, которые противостоят жёстким правилам государства. Виртуальная свобода, предлагаемая детерриториализующими цифровыми зонами, привлекает все категории реальных обществ. Новая «электронная инфраструктура» преувеличивает значение цифровых медиа и «меняет форму» не только процесса открытия знаний, но и повторного открытия неизведанных аспектов человеческой личности.

Необходимо отметить, что всего за пару десятилетий новое цифровое пространство создало для себя в своём виртуальном пространстве своего рода «цифровую власть», распространение и господство которой имитирует реальную политическую власть. Строгие правила цифрового пространства вынуждают цифровых кочевников следовать его стандартам и порядкам, иначе они будут изгнаны, другими словами, заблокированы и, как следствие, лишены своих избранных платформ и веб-сайтов для социального взаимодействия. Современная цифровая сфера определяет идентичность своих членов через то, что они пишут и публикуют в сети. Популярные представители платформ становятся коучами и амбассадорами, которые обучают все группы людей наборам принципов и поведенческих установок, присущим этим платформам. Таким образом социальное пространство самоорганизуется через использование творческого подхода к обучению и передаче навыков и опыта. Смена установок пользователя с потребления на производство творческого контента и социального взаимодействия внутри платформы согласуется с позицией Х. Бея на творческий потенциал: «художник не представляет особым типом людей, но каждый человек — особенный художник» [6, с. 116].

Тип знаний, распространяемых в Интернете, настолько увлекателен, что современные поколения предпочитают пренебрегать знаниями, ценностями и принципами, которым их учили в культурных и религиозных группах; несмотря на то, что такие группы формулируют и переформулируют идеологии любого общества. Интернет как временная автономная зона стал компенсационным пристанищем для участников несогласных с доминирующими в обществе политическими, культурными и социальными нормами.

Примечательно, что традиции, идеологии, экономические и социально-политические условия любой территории определяют культурные черты идентичности населения. Кроме того, на эту идентичность влияют различные факторы, в первую очередь: принадлежность к социальному классу, образование, профессия, семья, язык, религия, раса, навыки и политическая идеология. Тем не менее цифровые медиа обладают огромным потенциалом, потому что они способны игнорировать все определяющие факторы, а также способны стимулировать новые парадигмы цифровой культурной идентичности. Например, приложение Tik Tok разработано как открытый форум, который даёт голос тем, у кого нет возможности его выразить в действительности.

Цифровая культурная идентичность также может обозначать как несоответствующий или маргинальный любой жизненно важный элемент в нормативных культурных парадигмах. Каждый раз, когда подчёркивается этот элемент как несоответствующий, происходят существенные социальные кризисы («#live matter», «#me too»). Цифровые открытые форумы настолько подвижны и открыты, что их можно беспрепятственно и быстро распространять среди всех возрастных категорий. Таким образом, эти форумы способны бросить вызов существующим структурам власти и иерархии. Следовательно, цифровые открытые форумы способны легко трансформировать глубоко укоренившиеся культурные аспекты из-за массового характера распространения и количества публикуемой информации. Другими словами, феномены цифровой реальности на открытых форумах могут быстро влиять на массы в принятии новых догм или отказа от отдельных традиций.

Смартфоны в настоящее время служат точкой доступа в цифровую временную автономную зону Интернета, через облегчённый вариант перехода к одной или нескольким

платформам социального взаимодействия. Кроме того, в каждом новом сообществе неокочевник может легко сменить свою личность и принять новую, соответствующую целям этого веб-сайта или форума.

Заключение

В настоящее время активно развивается новая подвижная цифровая идентичность, которая сформировалась из-за подавляющего виртуального мира почти подлинной и окончательной действительности, в то время как фактическая культурная идентичность, которая рождается и развивается в реальной жизни, находится на пути к тому, чтобы считаться придаточной. В реальном мире понимание разнообразных перспектив любой культурной самобытности требует процесса археологии знания прошлого, чтобы проследить обстоятельства, которые повлияли на передачу между поколениями. Это приводит к становлению разрыва и кризиса за счёт множественной идентичности и фрагментации реальной жизни на манер виртуального пространства.

Неокочевники предстают здесь как одна из форм, адаптирующая и преодолевающая отчуждение и кризис, продвигаясь в пространстве цифровой реальности и внося всё новые и новые элементы в цифровую культуру и формы взаимодействия в сети. Что требует более полного рассмотрения данного феномена и его следствий с использованием современных концептов исследования цифровой культуры среди гуманитарных дисциплин.

Список литературы

1. Грицанов А.А. Проблема человека и его идентичности в современной культурологии // Вопросы социальной теории. 2010. Т. 4. С. 111–128.

2. Делёз Ж., Гваттари Ф. Тысяча плато: Капитализм и шизофрения / пер. с фр. Я.И. Свирского. Екатеринбург; М., 2010.
3. Ракитов А.И. Человек в оцифрованном мире // Философские науки. 2016. № 6. С. 32–46.
4. Соколова Н.Л. Цифровая культура или культура в цифровую эпоху? // Цифровая культура. 2012. № 3(8). С. 6–10.
5. Яковенко И.Г. Идентичность и диалог // Вопросы социальной теории. 2010. Т. 4. С. 513–518.
6. Bey H. T.A.Z.: The temporary autonomous zone, ontological anarchy, poetic terrorism [Электронный ресурс] // The anarchist library. 1985. Режим доступа: <http://theanarchistlibrary.org/library/hakim-bey-t-a-z-the-temporary-autonomous-zone-ontological-anarchy-poetic-terrorism>. Дата обращения: 10.11.2021.
7. Sellars S. Hakim Bey: repopulating the temporary autonomous zone // Journal for the Study of Radicalism. 2010. Vol. 4, No. 2. P. 83–108.

References

1. Gritsanov AA. Problema cheloveka i ego identichnosti v sovremennoi kul'turologii. *Voprosy sotsial'noy teorii*. 2010;4:111–128. (In Russ.)
2. Delez Zh, Gvattari F. Tysyacha plato: Kapitalizm i shizofreniya. Transl. from French Ya.I. Svirskiy. Ekaterinburg; Moscow; 2010. (In Russ.)
3. Rakitov AI. Man in the digitized world. *Russian Journal of Philosophical Sciences*. 2016;(6):32–46. (In Russ.)
4. Sokolova NL. Digital culture or culture in digital era? *Digital culture*. 2012;(3(8)):6–10. (In Russ.)
5. Yakovenko IG. Identichnost' i dialog. *Voprosy sotsial'noy teorii*. 2010;4:513–518. (In Russ.)
6. Bey H. T.A.Z.: The temporary autonomous zone, ontological anarchy, poetic terrorism [Internet]. *The anarchist library*. 1985. Available from: <http://theanarchistlibrary.org/library/hakim-bey-t-a-z-the-temporary-autonomous-zone-ontological-anarchy-poetic-terrorism>. Accessed: 10.11.2021.
7. Sellars S. Hakim Bey: repopulating the temporary autonomous zone. *Journal for the Study of Radicalism*. 2010;(4(2)):83–108.

■ Информация об авторе

Никита Глебович Устьянцев — аспирант кафедры социальных коммуникаций. Поволжский институт управления — филиал РАНХиГС, Саратов, Россия. E-mail: nikyst.55@gmail.com

■ Information about the author

Nikita G. Ustyantsev — Postgraduate student of Social Communications Department. Povolzhsky Institute of Management named after P.A. Stolypin, Saratov, Russia. E-mail: nikyst.55@gmail.com